

Данаил Кондов

АНАТОМИЯ «ЧИСТОЙ» ПОЛИТИКИ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В РОССИИ 1990–2000-Х ГГ.

Выборы на Украине и развернувшиеся вокруг них события неожиданно сделали политически актуальными молодежные организации. В какой-то момент стало очевидно, что контроль над «улицей» в критической ситуации может быть решающим для исхода политического противостояния. Это стало звездным часом радикалов, которые превратились в объект пристального внимания как со стороны властей, так и оппозиции¹. Все более или менее значимые политические партии начали срочно создавать собственные «комсомольские» структуры, а уже существующие обрели большую ценность в глазах политических грандов (об этом свидетельствует, например, удивительная история сотрудничества НБП, «Яблока» и КПРФ). В некотором смысле рост их «удельного веса» можно рассматривать как побочный продукт растущей с начала нового тысячелетия монополизации отечественного политического «рынка», завязанного на выборах и Парламенте. Оказалось, что институциональные каналы влияния на принятие решений не только не единственные, но и не самые эффективные: «прямое действие», при минимуме затрат, способно приносить несоизмеримую политическую прибыль. Став, таким образом, видимыми на публичной сцене, «неконвенциональные» формы политики привлекли внимание не только Государства и журналистов, но и исследователей — что избавляет от необходимости их общего обзора². Гораздо интереснее бросить взгляд за «кулисы» этой «сцены» и попробовать обрисовать хотя бы в общих чертах её механику.

1. Следует напомнить, что Э. Лимонов, лидер НБП, ещё задолго до событий на Украине призывал оппозицию признать последние выборы в Госдуму сфальсифицированными и вывести людей на улицы.
2. Общую характеристику данных организаций см. напр.: А. Тарасов «Левая сцена в России» // Неприкосновенный запас № 5 (31), 2003, Становая Т. «Российская молодежь: угроза или ресурс?» // Индекс. Досье на цензуру (23), 2005.

ПОЛЕ «НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ» ПОЛИТИКИ

Говорить о поле — значит говорить о силовых и смысловых отношениях, связывающих агентов поля, а также о той специфической логике функционирования (своеобразных «правилах игры»), которые определяют того, кто господствует, и того, кто занимает подчиненное положение. Кроме того, обозначение сферы деятельности данных организаций как пространства «неконвенциональной» политики (то есть политики «вне конвенций», ведущейся не «по правилам») является способом отметить различия и *относительную автономию* данного пространства по отношению к «большой политике», связанной с Парламентом, выборами и т. д. Иначе говоря, основанием выделения определенной области политической практики является то специфическое принуждение, которое она оказывает на всех входящих в неё агентов.

Ключевой особенностью «неконвенциональной» политики является практически полное отсутствие легитимных «*инстанций легитимации*»³. Поскольку политика является так или иначе борьбой за монополию на право говорить от имени «народа», то есть за политическое представительство, то одним из решающих принципов, определяющих позицию в иерархии позиций, является *численность*, понятая как количество сторонников той или иной организации либо того или иного политика. Если «конвенциональная» политика, связанная с Парламентом и выборами, имеет легитимные институты (ВЦИК, например), ставящие в соответствие количество полученных голосов, с одной стороны, и количество мест в Парламенте, с другой (что позволяет однозначно ранжировать партии и третировать их как «большинство» или «меньшинство»), то «неконвенциональная» и непарламентская политика такими институтами не обладает. Следствием этого является объективно высокая доля *неопределенности* в оценке своей и чужой позиции в иерархизированном пространстве позиций. Так, например, в левом спектре этого поля лидерами могут считать себя несколько организаций одновременно (НБП, АКМ или СКМ)⁴, в то время как иерархия

3. Данное понятие является продуктом анализа культурных практик, позволяющее объяснить различия в «культурной легитимности» различных экспрессивных систем, которые «... от театра до телевидения, объективно организуются согласно независимой от индивидуальных мнений иерархии, определяющей культурную легитимность и её уровни. Перед значениями, расположенными вне сферы легитимной культуры, потребители чувствуют себя свободными оставаться чистыми потребителями и судить свободно; напротив, в области признанной культуры они чувствуют на себе оценку объективных норм и обязанность принять благочестивую, церемониальную и ритуализированную позу». Наличие освященных работ и правил, определяющих подобный подход к ним, «предполагает институцию, чьей функцией является не только передача и распространение, но также и легитимация». (Bourdieu P. *Un art moyen*. Paris, Minuit, 1970. — С. 135–137).

4. В фокус данной работы попали такие организации, как АКМ («Авангард Красной Молодежи»), АКМТР (АКМ Трудовой России), «Социалистическое сопротивление» (в 2005 году пережило раскол, в результате появилось движение «Вперед!») и НБП («Национал-большевистская партия»). Исследование проходило в период

парламентских «игроков» четко определена полученными на выборах голосами. Эта особенность является необходимым условием той символической борьбы, которую мы попробуем обрисовать ниже. Её составными элементами являются различные репертуары акций.

РЕПЕРТУАР АКЦИЙ

Опыт наблюдения позволяет утверждать наличие определенного и ограниченного набора рутинных практик, составляющих арсенал каждой организации. Речь идет, прежде всего, о таких признанных методах действия, как митинги, демонстрации, пикеты, раздача и расклейка листовок, проведение открытых собраний и т. д. Краткое рассмотрение техники подготовки и проведения акций, а также схем восприятия и оценивания, задействованных в их конструировании, позволит указать на те специфические ставки, вокруг которых разворачиваются стратегии удержания или захвата доминирующих в поле позиций. Возьмем для контраста два типа акций — демонстрации и «прямое действие».

Демонстрации (и сходные с ними пикеты и митинги) чаще всего приурочены к той или иной памятной дате, и участие в них является формой присвоения этого события (точнее, символики, «знамени», аккумулярующего «капитал узнавания и признания»). Немного яснее этот факт может сделать речь активиста АКМ на собрании перед 23 февраля:

...23 февраля в 92 году превратилось в побоище с ОМОНОм, и такие праздники необходимо проводить. Потому что, отказавшись от них, мы отдаем режиму на откуп этот день. <...> *Это наши праздники. Почему? Потому что мы радикалы и мы готовы их взять себе. Если они (КПРФ) отказываются, мы поднимем это знамя. И мы пойдем в любом случае 23-го февраля. Что бы ни случилось. И чем больше КПРФ будет сдавать позиции, тем лучше — тем больше шансов для нас, для молодых волков взять это знамя. Они не могут? У них импотенция? — Пожалуйста! <...> И в принципе, нам только в радость это. Пускай теряют! Пускай нас сегодня немного, но мы будем той альтернативной явной вот этой вот... (стучит по столу) соборности, вот этой всей педерастии, которую Зюганов последнее время говорит — о духовности, о народности. Нет! Мы — коммунисты! Мы не соборники, мы не какие-то там проститутки, которые связаны с церковниками. Мы именно коммунисты. Именно мы, а не КПРФ. И не Трудовая Россия, и не кто-либо еще⁵.*

Собственно, «памятные даты», их присвоение через участие, являются лишь элементом более общей стратегии символической борьбы за господство

с 2003 по 2006 годы и включает данные, полученные в ходе интервью с активистами, анкетирования, анализа текстов и включенного наблюдения.

5. Собрание АКМ 15.02.2004. // Архив автора.

на этой сцене, приоритетной формой которой является борьба дефиниций. Страсть к обвинениям в несоответствии высокому званию «коммуниста» («социалиста» и т. п.) является общей для всех, кто так или иначе относит себя к «левым»: можно вспомнить статью Лимонова, где он обвиняет Компартию в продажности и выносит им вердикт — «вы не коммунисты, а личности, выдающие себя за коммунистов вашим избирателям, вы мошенники»⁶. К этой же категории относится множество обвинений в адрес НБП, заключающихся в определении их как «фашистов» (причем в данном вопросе едины как сталинистские комсомолы, так и троцкисты, в остальном расходящиеся очень сильно)⁷. Троцкистские обвинения Сталина в предательстве Революции, которые, соответственно, распространяются и на всех «сталинистов», оттуда же.

Но вернемся непосредственно к демонстрации — её проведение можно условно разделить на подготовительный этап и этап проведения. Первый во многом заключается в попытках собрать как можно больше народа («Быть вовремя, быть всем и желательно притащить с собой кучу народа. Кто приведет больше всех людей — тому лично от меня большая бутылка виски! Так что будем смотреть!»⁸). Это могут быть призывы привести своих знакомых (родных, друзей), расклейка стикеров в метро, раздача листовок — но основным и самым надежным способом является обзвон всех, кто так или иначе сотрудничает с организацией⁹. Иначе говоря, подготовительный этап заключается, прежде всего, в обеспечении *максимальной численности* демонстрантов и, во вторую очередь, их *подобающего внешнего вида* (от лозунгов, транспарантов и повязок — до цвета одежды).

Вот. Сейчас, в принципе, к 23 февраля быть всем, обзвонить своих знакомых там, друзей, кого угодно. Тащите их, чтобы была достаточно большая массовка людей. Потому что на фоне СКМ, на фоне той же Трудовой России мы должны выглядеть достаточно внушительно, должны выглядеть организованно, собранно и мощно. Как бы насчет формы одежды всем давно все ясно: никаких пакетиков, за исключением тех,

6. Э. Л. «Против коммунистов-капиталистов и жириков» // Генеральная линия № 26 (Лимонка № 230, сентябрь 2003).

7. См. например: Тихонов С. «Социализм против Национал-Большевизма» // Левый Авангард № 49, 3003 и Игнатов Б. «Разве «Лимонка» — это лимонка?» // Бумбараш 2017 № 3 (67), 2003. «Левый Авангард» — это газета троцкистского «Социалистического Сопротивления», а «Бумбараш» — сталинистского РКСМ (б).

8. Собрание АКМ 15.02.2004 // Архив автора.

9. Здесь мы впервые встречаемся с разделением между немногочисленным «активом», который берет на себя труд организации, и более многочисленным «пассивом». В этом отношении «численность» как основной критерий различия между организациями оказывается иллюзорным, поскольку смешивает в одну кучу очень разных по качеству участников демонстрации. Более того, численность ядра активистов примерно одинакова во всех организациях (напомним, что речь идет только о Москве и не учитываются региональные отделения), и различие между ними заключается скорее в техниках и потенциале мобилизации.

кто несет повязки, никаких там бомжовых... чтобы там с бутылками не ходили не гремели, посуду сдавать в этот день не надо...¹⁰.

Мотив «на фоне...» является неслучайным: демонстрация—это фактически единственное событие, где есть возможность показать свою «реальную» численность¹¹. Пространство демонстрации, улица, является местом соперничества между различными организациями, где преимущество одних и слабость других имеет характер «очевидности».

Само проведение можно разделить, пользуясь терминологией Гофмана, на передний план исполнения, где происходит само событие (пространство улицы), и задний (это может быть штаб организации, подземный переход или площадь рядом с начальной точкой оговоренного с властями маршрута). Именно «за кулисами» члены демонстрации превращаются из отдельных индивидов, представляющих только себя, в «коллективное тело» организации: им раздаются флаги, нарукавные повязки, их строят в колонны и выводят на «сцену» улицы. Важной составляющей хорошего исполнения является дисциплина¹², которая несет на себе функции как «мягкого» противодействия органам правопорядка (например, правильным образом организованная колонна может отгеснить сопровождающих на обочину), так и специфической *техники управления впечатлением*:

Интервьюер: Ну а максимум, что вы собирали?

Респондент: Максимум, что мы собирали—ну, это я думаю человек под 350. Это 1 Мая и 7 ноября, как правило. Там такие толпы собираются. Ну а самое организованное—это, наверное, 9 мая этого года—народу было немного, было 130 человек, но шли рядами по 4 с интервалом. Такого строя на моей памяти не было. Военный. Люди шли, интервал никто не поддерживал, он получился одинаковый перед каждым рядом. *Все было дружно, дисциплинированно, ко мне подошли журналисты, говорят: «как же вы здесь идете, вас сотен три. —Ну да, конечно». Видите, со стороны это так и выглядело. То есть реально—мы знали, что народу здесь меньше, но выглядит красиво.*¹³

«Численность» как критерий иерархизации организаций, входящих в пространство «неконвенциональной» политики, является универсальным

10. Собрание АКМ 15.02.2004 // Архив автора.

11. Ср.: «Всем без исключения региональным отделениям НБП надлежит принять участие в «Антикапитализме», обеспечить приезд в Москву максимального количества нацболов». Тишина А., Фомченков С. «Антикапитализм—2003» // Генеральная линия № 25 (Лимонка № 229, сентябрь 2003).

12. Заметим, что дисциплина как определенная техника характерна скорее для НБП и АКМ, чем для других организаций: «Быстро строимся в колонну по «4», заминка с определением «порядка следования» решена, и мы идем! Дисциплина высочайшая, люди не ломают ряд, держат дистанцию, скандируют дружно, а не каждый свое, несмотря на длину колонны». Антикапитализм 2003 // Генеральная линия № 27 (Лимонка № 231, октябрь 2003). Причины этого будут рассмотрены ниже.

13. Интервью 16.10.03 // Архив автора.

критерием — так или иначе, все организации сравниваются и оцениваются (и оценивают себя) по количеству сторонников. Именно поэтому любые массовые акции, особенно те, которые собирают эти организации вместе, неизбежно становятся «смотром сил». Это во многом объясняет те усилия, которые прикладывают *все* организации для привлечения максимального количества людей в свою колонну. Возьмем типичное описание одной из акций:

Если сравнивать с прошедшим 14 сентября лимоновским Антикапитализмом, мы были круче. Колонна СКМ была несколько больше НБПшной, колонна РКСМ (б) уступала в численности колонне АКМ, но, в сущности, ненамного. <...> «Антикапитализм-2003» является *смотром сил*, но лишь в одной форме борьбы — в форме массовых акций. <...> Структуры, изначально не строившиеся вокруг массовых акций, постепенно осваивают эту форму работы и, при желании, вскоре будут чувствовать себя «на улице» *так же уверенно, как НБП и АКМ*¹⁴.

Основное свойство, определяющее «политический вес» организации в данном поле, — «численность» работает как некий критерий, соответствие которому приносит «капитал узнавания и признания» («.. так же уверенно, как НБП и АКМ»). И, таким образом, работа по воспроизводству численного состава организации и по его «представлению другим», неизбежно является работой по (вос)производству позиции организации в силовом пространстве позиций.

Акции «прямого действия» были удачно перенесены из западной политической практики национал-большевиками¹⁵. В каком-то смысле это была удачная находка:

Мы придумали понятие «моральная цель». Надя Воронова с прикрытием из национал-большевиков пришла с букетом на церемонию вручения премии «Человек года». Когда Горбачеву вручили премию, она взошла на подиум и дала ему гвоздиками по морде. Раз, два! Гвоздики были выбраны не потому, что НБП не позволял карман купить розы, но чтобы на негодые не осталось царапин. Ведь тогда Надю могли бы обвинить по статье 213 — «хулиганство». Швея-мотористка Надя Воронова *появилась в 20–30 газетах, «Комсомольская правда» уделила место под её фотографию на 1-й полосе и ещё две полосы в середине газеты*. В данном случае был правильно выбран и поражен моральный объект, ведь подавляющее большинство населения ненавидело Горбачева. Поэтому поступок вызвал только симпатию к Наде Воронцовой, работнице из Подмосквья, и к Национал-большевистской партии, в которой она состоит.¹⁶

14. Треволис М. Антикапитализм-2003 // Бумбараш 2017 № 5 (69).

15. Необходимо отметить, что здесь «прямое действие» берется в том специфическом смысле, которое оно приобрело на отечественной почве (т. е. в смысле, который ему придали АКМ и НБП прежде всего) и который может отличаться от общеупотребительного в западной (анархистской) практике.

16. Лимонов Э. Моя политическая биография: Документальный роман. — СПб.: Амфора, 2002. — С. 213. Выделено мной — К. Д.

Кажется, это была одна из первых подобных акций НБП (возможно, это 1999-й — в данном случае, не так важно). Приглядымся к её описанию и отметим то место, которое в нем занимают СМИ. Действительно, если атака на «моральный объект» не зафиксирована СМИ и не растиражирована как «новость», то она становится таким вполне заурядным, с оттенком мазохизма, хулиганством, совершенном в *частном* порядке. Механизм акций прост: активисты *сознательно* играют на логике функционирования поля, которое Бурдые назвал «полем журналистики» — логике борьбы за рейтинг¹⁷. Инвестиции, в виде сопутствующих рисков (быть избитым и /или осужденным) при удачном стечении обстоятельств возвращаются в виде широкой известности: сейчас мало кто не знает о существовании НБП (или, в меньшей степени, АКМ и молодежного «Яблока»). В свою очередь, широкая известность является залогом соответствующего превосходства в численности — после каждой успешно проведенной акции, то есть после каждого успешного «прорыва информационной блокады», возникает волна вступлений в организацию¹⁸. Массмедиа — это необходимое условие для доступа к широкой аудитории и наращивания численности организации, а акции «прямого действия» — единственный способ, при наличных экономических и прочих ресурсах, попасть в их фокус. Таким образом, как и в «большой» политике, в политике «неконвенциональной» количество сторонников является приоритетной сферой инвестиций времени и средств — и главным критерием, определяющим «состоятельность» организации. Тем не менее как таковой (в силу специфики поля) этот критерий далек от однозначности. Отчасти это можно показать на материале двух расколов, произошедших в разное время, но имевших общие основания.

ИСТОРИЯ ДВУХ РАСКОЛОВ

Первоначально АКМ создавался как молодежная организация «Трудовой России» Виктора Анпилова и с 1999 года, когда прошел первый съезд АКМ, до 18 января 2004-го он и был таковым, пусть иногда и с большой автономией. Причины раскола определить сложно. С одной стороны, его актив-

17. Ср.: «В соответствии со специфической логикой поля, ориентирующегося на производство такого скоропортящегося товара, как новости, конкурентная борьба за потребителей приобретает форму конкурентной борьбы за приоритет, то есть за самые новые новости, за сенсацию — и это, естественно, тем сильнее, чем ближе к коммерческому полюсу находится орган прессы» (Бурдые П. О телевидении // Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002 — С. 96).

18. «И вот 7-го ноября 2000 года в принципе рядовая акция фактически была, но вот закончилась известными событиями, когда был этот знаменитый прорыв на Красную площадь, ну вот, и мне это очень сильно понравилось <...> И просто... просто когда я пришел на собрание, я узнал, что вот за две недели после этого прорыва численность АКМ увеличилась вдвое. То есть столько людей новых пришло. Тогда было где-то от 40 до 70 человек, то есть 40 человек стабильно и 30 человек сочувствующих» (Интервью с активистом АКМ 16.10.03 // Архив автора).

ными участниками были Сергей Удальцов, глава федеральной структуры, и Мария Донченко, глава регионального отделения, обвиняемая в попытке создания отдельной организации внутри АКМ. С другой — Анпилов, который поддержал «сепаратистов» (меньшинство в АКМ) и тем самым дал повод для разрыва между АКМ С. Удальцова и Трудовой Россией.

Несомненно, между активистами АКМ и активистами ТР во главе с Анпиловым существовала серьезная поколенческая дистанция («...ну, вокруг него всегда бабушки, тут ничего уже нельзя поделывать. Я не хочу переходить на личности, но все ребята, которые приходят в АКМ, они приходят в АКМ, а не в Трудовую Россию»¹⁹) и, соответственно, несовпадение того, что можно назвать «вкусом»: то, что одним казалось отличной идеей, для других было блажью и активно саботировалось («...он хотел собрать хор, чтобы распевать эти его революционные песни на цепочке, но там тоже никто не возжелал участвовать петь фальцетом»²⁰). Кроме того, серьезная финансовая и организационная автономия АКМ, как и провал Анпилова на выборах, серьезно пошатнувший его политические позиции, являлись важными условиями разрыва, однако его «спусковым механизмом» стала борьба между двумя группами внутри самого АКМ. Интересно то основание, которое лежало в основе их дифференциации:

Интервьюер: Раскол — это серьезно?

Респондент: Да, это как минимум человек 20-30 АКМовцев, они считают, что АКМ... ну, короче, им не нравится положение, которое сложилось в АКМ. Мне тоже не нравится. Во-первых, абсолютное отсутствие дисциплины. Во-вторых, непонимание, за что мы боремся, вот реально люди в большинстве своем они говорят, может, и мыслят, общими фразами, типа «мы за справедливость», «мы за социализм», а попытайся копнуть поглубже, они тебе ничего не скажут. И любой демократ их введет в заблуждение, элементарно. <...> Опять же, этот хвостизм по отношению к НБП. То, что, не имея фактически своей идеологии, мы перенимаем форму НБП в наших акциях, наших действиях.

Интервьюер: Отчего это происходит? В силу отсутствия собственной идеологии?

Респондент: В силу того, что эта идеология не пропагандируется, не проводится в массы. Эта идеология — это удел меньшинства, причем получается так, что люди, которые действуют в АКМе, делятся на два типа — одни, которые занимаются идеологией, которые посещают эти университеты, о котором сегодня было объявлено. <...>. Большинство — оно как бы не освоило ещё азов. И поэтому, когда удастся их затащить на эти университеты, они посидят там пару занятий и говорят, типа, «я ничего не понимаю». Вот и, естественно, бросают это дело. А есть другой сорт людей, которые тоже очень активны, но которые не усвоили даже азов идеологии. Они... их в общем-то привлекает форма.²¹

19. Интервью с активистом АКМ 16.10.03 // Архив автора.

20. Интервью с активистом АКМ 05.03.04 // Архив автора.

21. Интервью с активистом АКМ 13.11.03 // Архив автора.

Как видно, этим основанием стало *отношение к идеологии*: если для одной группы, которая сформировалась вокруг «Университета красного агитатора», идеологическое воспроизводство является приоритетным, то для другой — чем-то вторичным по отношению к императиву максимизации численности («Важно не потерять ни одного молодого человека, могущего помочь движению. И нельзя сразу же требовать от новичков глубокого знания марксизма, — знания могут приобретаться и в борьбе, а сейчас на первый план должны выйти решительность и самоотдача»²²). И совсем не случайно, что вторым пунктом разногласий стало отношение к акциям «прямого действия»: с одной стороны, как к необходимым революционным действиям, соответствующим уставу партии (ТР)²³; с другой — как к классической провокации («... подобные “акции прямого действия” заканчиваются избиениями и тюрьмой для их участников. Здесь мы сталкиваемся с новой гапоновщиной»²⁴).

В 1998 году НБП пережила нечто подобное: Александр Гельевич Дугин, один из лидеров и «отцов-основателей» организации, уходит и забирает с собой часть активистов. Начинается борьба за НБП: обе группы — и Дугина, и Лимонова — претендуют на это название, через некоторое время Дугин сдается. Чтобы понять глубинное сходство этих двух расколов надо представлять себе, кем они были в организации: «В “Книге мёртвых” я вспоминаю сцену у пивной палатки у метро “Арбатская”, когда длинногривый, в длинном пальто, Дугин говорит мне: “Вам, Эдуард, войну и кшатрию, надлежит вести людей, я же — жрец, маг, Мерлин, моя роль женская — объяснять и утешать”»²⁵. Дугин и его «кружок» в НБП во многом сходен с Университетом красного агитатора в АКМ, их задача — (вос)производство идеологии, систематизированного взгляда на мир, имеющего в основании набор явных положений. Лимонов, в свою очередь, занимался практическими вопросами управления организации — и это разделение труда не всегда было бесконфликтным: «Партстроительство высасывало все мое время, поэтому я обычно появлялся в самом конце лекции Дугина... Однажды я пришел на 40 минут раньше обычного и присутствовал при последних сорока минутах лекции Мерлина под названием “Философский русский”. Я внимательно прослушал, что говорил Дугин, и то, что он говорил, мне очень и очень не понравилось. А он говорил, что мы не готовы к революции, что вначале, путем кропот-

22. Кузьмин В. «Революция и нафталин несовместимы» // www.akm1917.org.

23. «Необходимо обновление» // Контрольный выстрел №1 (59).

24. Халявин Г. «Маргинальный уклон» // Молния №4 (306), 2004. Кстати, оценка такого рода акций троцкистами удивительно близка оценке упертых сталинистов из ТР и АКМ: «Когда они совершаются просто для того, чтобы провести акцию, ради какой-то тупой саморекламы, то мы не считаем, что это особо хорошая идея. Факт, что люди постоянно попадают в милицию, не должен являться предметом гордости» (Интервью с активистом «Социалистического сопротивления» 09.07.04 // Архив автора).

25. Лимонов Э. Моя политическая биография: Документальный роман. — СПб.: Амфора, 2002. — С. 70

ливого совершенствования, следует создать новый тип человека, а именно «философского русского»... Я вынужден был мягко завуалировать перед нацболами призыв Дугина к самосовершенствованию. Я сказал, что партия — это не кружок совместного изучения литературы и искусства. Партия ставит перед собой задачи политические»²⁶. За спорами о приоритете теории или практики легко различимы властные интересы самих «теоретиков» и «практиков». Раскол и дальнейшая борьба за НБП шли по этой линии: «... поразмыслив, я пришел к выводу, что партия в этот момент делится на тех, кто хочет до конца дней своих читать умные книги, бравировать своей революционной фразеологией в салонах, газетах и на теле, то есть на пикейных жилетах, и на тех, кто желает пройти весь путь, какой следует пройти революционной партии»²⁷. Приоритет практики над теорией в НБП, после ухода Дугина стал правилом («Партию следует оценивать не по программе, а по действиям»)»²⁸. Интересно, что акции «прямого действия» были «изобретены» и начали применяться более или менее систематически примерно в это же время или чуть позже.

Важно отметить, что линия напряжения теория/практика проходит не только внутри организаций, но также и между ними. Сравнивая себя с АКМ, С. Удальцов, активист «Социалистического сопротивления» описывает различия следующим образом: «Тот политпросвет, который в газете “Контрольный выстрел” публикуется, — ну, это просто п... ц, который вообще не комментируется. Что такое социализм, что такое капитализм — это просто из маразматического учебника истмата 50-х годов переписано, и они думают, что это теоретическая работа. Все это проистекает от того, что у них существует четкое впечатление, что вот есть реальная деятельность, а есть вот там идеология-хренология, вот эта вся фигня такая»²⁹.

**ВАЖНО ОТМЕТИТЬ, ЧТО ЛИНИЯ
НАПРЯЖЕНИЯ ТЕОРИЯ/ПРАКТИКА
ПРОХОДИТ НЕ ТОЛЬКО
ВНУТРИ ОРГАНИЗАЦИЙ,
НО ТАКЖЕ И МЕЖДУ НИМИ**

ИГРА ПО ПРАВИЛАМ И ИГРА С ПРАВИЛАМИ

Количество сторонников как критерий определения позиции организации в иерархии позиций объединяет пространство «неконвенциональной» политики и политики «конвенциональной». Однако особенности

26. Там же. — С. 142–143.

27. Там же. — С. 148.

28. Относительно недавний «либеральный поворот» НБП во многом обязан именно этой идеологической «гибкости».

29. Интервью с активистом «Социалистического сопротивления» 09.07.04 / Архив автора.

данного поля предоставляют гораздо больше возможностей для символической борьбы за *определение* «численности» (то есть за легитимное определение члена организации). Иначе говоря, в силу объективной *неопределенности* иерархии позиций, одной из стратегий политической борьбы является переопределение самих оснований, которые классифицируют и ранжируют позиции (игра с правилами игры)³⁰. «Численность» как основание классификации *расслаивается*: если для одних (например, АКМ и НБП) это, прежде всего, численность «активная», не «формальная»³¹, то для других (АКМТР, «Социалистическое сопротивление») — это, прежде всего, количество сторонников, способных явным образом определить свою позицию, то есть владеющих политическим дискурсом организации.

Собрание левых организаций (III Международный форум «Будущее левых сил») было воспринято и описано активистами НБП, исходя именно из этой схематики: «В зале полностью отсутствовала энергия. <...> Никакого будущего у них нет. Они нам не враги, но и не друзья. Они — «революционеры» резолюций, регламентов, постановлений, печатей и подписей. Промокашки, одним словом»³². В свою очередь, менее многочисленные организации, как АКМТР и «Социалистическое сопротивление», используют идеологическую неангажированность членов более многочисленных организаций как некоторый способ дискредитировать их количественное преимущество. Об этом недвусмысленно свидетельствует следующее описание: «АКМ — и в кричалках, и во внешнем виде, и даже в символике — откровенно клонировал отсутствующую НБП. От всех этих сталиных-бериев-гулагов, палачей, красных империй к концу митинга по-настоящему тошнило. Увы, богатое коммунистическое наследство досталось этим ребятам в виде клочочков

30. Другими словами, вследствие того, что социальная реальность структурирована вдвойне — объективным распределением активных свойств (капиталов), с одной стороны, и схемами восприятия и оценивания (габитус), с другой, — стратегии борьбы за доминирование в поле приобретают различные формы: *объективно* политические агенты действуют через различные акции «представления», где можно, опираясь на непосредственную очевидность, как на демонстрации или акции «прямого действия», заставить признать определенные реалии — численность и само существование организации. *Субъективно* — действуют, пытаются сохранить или изменить сами «критерии признания», действующие в данном поле — речь идет, прежде всего, о сайте и газете, где есть возможность дать собственную точку зрения на происходящие события. То есть борьба за доминирование в поле является одновременно конкуренцией за сторонников и за легитимные схемы их восприятия. (См.: Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Начала. Перевод Шматко Н. А. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 181–207)

31. Лидер по «формальной» численности — СКМ, молодежная организация КПРФ, которая в силу этого альянса располагает более мощными организационными ресурсами, чем остальные организации. Несмотря на это, их потенциал мобилизации (способность выводить людей на улицы) ниже, чем у более «активных» НБП или АКМ.

32. «Будущее оказалось прошлым» // Генеральная линия № 44 (Лимонка № 248, май 2004) См. там же: «Ещё лет 12 или 15 назад Кагарлицкий уже организовывал Социалистическую Партию. Где его партия? «Где твоя партия, Борис?» — спросит его Господь на Страшном Суде. «Я директор Института проблем глобализации», — ответит Кагарлицкий. Аминь.»

красного, непонятых обрывков цитат классиков и «вторичного» продукта, пропущенного через сознание инструктора ДОССАФ по идеологии. В первый день акции их было 9 человек, зато во второй 100–150»³³.

То есть различное отношение к идеологии (приоритет теории/практики) соответствует различному определению «численности» («активная»/«сознательная»), которое претендует на легитимность³⁴. Императив максимизации численности в случае «Социалистического сопротивления» и АКМТР (и не только) уравнивается требованием «идеологической чистоты рядов», то есть наличия определенного уровня владения политическим дискурсом организации:

Интервьюер: Контингент?

Респондент: Ну да, какие-то там 17-ти летние фанаты «Гражданской обороны». Я уверен, что после каждой акции какие-то люди на них выходят и хотят к ним вступить. Другое дело, что эти люди, если к ним обратиться с вопросом «зачем вы вступили в АКМ? За что вы боретесь?»...

Интервьюер: Они ответят «Наша Родина—СССР!».

Респондент: Да, да — «Наша Родина—СССР!», а что такое СССР, они ответят фразой Бивиса и Батхеда. Понятно, что *это не те люди, которые могли бы к нам вступить*. Не потому что мы — организация каких-то там интеллектуалов, которые больше трех слов могут сказать, но потому что *мы считаем, что политическая организация, членство в политической организации, оно должно быть осмысленным*. Вот. Иначе эта организация превращается просто в бессмысленную иерархическую структуру, которой может манипулировать кто угодно.³⁵

Таким образом, поле «неконвенциональной» политики можно представить как силовое пространство с двумя полюсами, которые оказывают воздействие (создают напряжение, приводят к разрывам) на всех агентов, входящих в него³⁶. Один из полюсов представлен такими организациями, как НБП и АКМ (и, возможно, молодежным «Яблоком»); для них характерны акции, непосредственно рассчитанные на реакцию СМИ, точнее — на увеличение *известности* организации. Это организации, где идеология и «идеологи» занимают явно второстепенное положение, а идеологическая индоктринация новых членов — частична и необязательна (вплоть до призна-

33. Марш Антикапитализм—2003 (27–28 сентября 2003 года) // <http://www.socialism.ru>.

34. «Теория»/«практика» является ключевой в ряде схожих оппозиций: «активный»/«сознательный», «количество»/«качество», «кричать»/«думать», «идея»/«идеология» и др. — составляют специфическую *доксу* этого поля, т. е. некоторое историческое априори, структурирующее восприятие всех входящих в него агентов.

35. Интервью с активистом «Социалистического сопротивления» 09.07.04 // Архив автора.

36. Эти линии напряжения не совпадают с идеологическими и накладываются поверх них: организации, очень далекие друг от друга идеологически, могут быть в то же время одинаково близкими по логике функционирования («Социалистическое сопротивление» и АКМТР, например).

ния наличия «в партии людей с разными и формально несовместимыми взглядами...»³⁷). Иначе говоря, это организации, приближающиеся к логике функционирования больших избирательных машин, работающих по принципу «хватай всех» (О. Киршхаймер).

Это можно увидеть, например, по тем приоритетам и задачам, которые они ставят перед собой. В статье «На рубеже» Абель, один из руководителей НБП, подводя итоги 2003 года, перечисляет то, что удалось или чего не удалось *достигнуть* организации: «2003 год стал годом нашего прорыва в СМИ. СМИ стали гораздо чаще и в целом благожелательнее смотреть в нашу сторону. Это было встречное движение. <...> Теперь о том, чего мы не добились. Мы не зарегистрировали Партию. <...> Куда больше, чем нерегистрация Партии и её неучастие в выборном фарсе, беспокоит то, что за этот год нам не удалось расширить свою социальную базу.»³⁸ В январе Центральный Штаб АКМ (автором её является лидер АКМ С. Удальцов) в рубрике «Руководство к действию» газеты «Молния» (дело было как раз накануне раскола) поместил статью «Год героев», имеющую характер программной: «Наступивший 2004 год должен стать для АКМ и «Трудовой России» годом героев. Необходимо, чтобы наши имена прозвучали на всю страну, завоевав при этом симпатии и признание народа. <...> Слово «коммунист» должно перестать ассоциироваться у большинства с примелькавшимся на телеэкранах лицом Зюганова. <...> Активные, понятные большинству действия — путь к созданию массовой организации, пользующейся поддержкой широких слоев населения. <...> В этом году нам вновь предстоит добиваться регистрации партии «Коммунисты Трудовой России», поэтому все совершеннолетние члены должны встать на партийный учет и немедленно включаться в партийную работу».³⁹

Другой полюс занимают организации в целом менее многочисленные (как по количеству активистов, так и по количеству людей, выводимых на улицы во время акций). Для них скорее характерен отказ от использования акций «прямого действия» и его стигматизация как «провокации» или «грязный PR». Желание приобрести известность и увеличить численность организации, свойственное всем агентам, входящим в данное поле, сдерживается и компенсируется требованием наличия «политического сознания» у активистов⁴⁰. Иначе говоря, различие между двумя полюсами можно описать как различие между ориентацией на *широкую мобилизацию*, для которой необходим выход на уровень национальных СМИ и максимально неопределенная доктрина, способная удовлетворить разных по своим взглядам людей, и ориентацией на *мобилизацию узкую* — вокруг определенной доктрины, неизбежно сужающей количество людей, готовых вступить в организацию, и умень-

37. «Идея против идеологии» // Генеральная линия № 51.

38. Абель «На рубеже» // Генеральная линия № 34 (Лимонка № 238, декабрь 2003).

39. «Год героев» // Молния № 1 (303), 2004.

40. «Сторонники этой тенденции, как правило, не гонятся за численностью своих организаций, но строят организацию как союз единомышленников» (Донченко М. «Ситуация в молодежном движении» // Молния № 14 (316), 2004).

шающей возможности использования СМИ (которые, по словам одного из активистов, «всегда доносят только то, что им нужно»⁴¹).

Символическая борьба за легитимное определение численности, которая ведется в форме борьбы за приоритет теории или практики («думать»/«кричать»⁴²), неизбежно является борьбой за лидерство в радикальной оппозиции и борьбой отнюдь не равной: объективная близость принципов функционирования полюса «широкой мобилизации» и «большой политики» (выборы, опросы, рейтинги и т. д.) лежит в основе доминирования первого⁴³. Политические схемы восприятия и оценивания, используемые СМИ, «сообществом экспертов» и т. д., являясь продуктом функционирования поля «конвенциональной» политики и будучи перенесенными в сферу «неконвенциональной», автоматически добавляют этому полюсу «вес» (то есть простые, на первый взгляд, «описания» благодаря используемым категориям начинают функционировать как «предписания», внося вклад в конструирование описываемого объекта).⁴⁴

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВИСТОВ

В свою очередь, эти две стратегии (узкой/широкой мобилизации) неизбежно имеют свое социально-демографическое измерение. Одной из особенностей поля неконвенциональной политики является низкая «цена на вход»: если для участия в политике официальной деньги, доступ к СМИ и злополучный «административный ресурс» являются ключевыми условиями, то в случае политики «неконвенциональной» их значение, как показывает наблюдение, намного скромнее. Затраты, связанные с участием в непарламентской политической организации в первую очередь, являются временными и, следовательно, участие скорее зависит от вероятности иметь или не иметь интерес к политике, то есть от склонности инвестировать в политическую активность. Иначе говоря, участие в различных радикальных формах поли-

41. «Но когда люди совершают такую акцию, то пресса доносит только то, что ей нужно, а доносит она следующее — что существуют такие молодежные радикальные организации, которые являются просто каким-то субкультурным явлением: есть как бы скейтбордисты, есть как бы рокеры, там, рэперы, а есть — молодые радикалы, которым просто нравится получать п... ды от милиции, они ходят и их получают. Ну, вот там милиция тоже иногда себя плохо ведет. Мы просто не считаем, что таким образом можно донести какие-то свои требования, свою программу до людей как бы там даже через средства массовой информации» (Интервью с активистом «Социалистического сопротивления» 09.07.04 // Архив автора).
42. «Ближайшими союзниками АКМ, на мой взгляд, являются РКСМ (б) и ВМГБ, организации, где собрались люди, умеющие не только кричать, но и думать.» (Донченко М. «Ситуация в молодежном движении» // Молния № 14 (316), 2004).
43. Опыт анализа обмена между агентами разных политических полей см.: Кондов Д. Социальное использование экспертизы // Наша социология-2004: Сб. статей. М.: РГГУ, 2004 — С. 7–14.
44. Так можно объяснить то удивительное сходство, которое наблюдается между господствующими в стане радикалов (АКМ, НБП, возможно СКМ) и господствующими на сцене «большой политики» (ЕдРо и пр.): максимально общая и неопределенная программа, наличие левых/правых тенденций и т. д.

тики — от национал-большевиков до анархистов — является — в том числе — радикальным способом, точнее попыткой преодоления «цензуры» в её первоначальном смысле отбора «лучших». Тем не менее анализ изменений социальных характеристик активистов показывает, что существует определенный механизм селекции внутри организации⁴⁵ (эти характеристики различны у тех, кто занимает высокие позиции в организации и /или имеет большой стаж, с одной стороны, и тех, кто пришел недавно, с другой):

Для унификации различных в каждой организации номенклатур позиций была введена общая шкала с тремя «делениями»: рядовой член организации, руководители среднего звена и руководители высшего звена (первая группа, по понятным причинам, наиболее многочисленна, обладает наименьшим стажем и более молода, чем последняя). Доля активистов с *высшим или незаконченным высшим образованием* возрастает от 58,8% среди рядовых до 70,5% среди руководителей среднего звена и достигает 100% среди руководителей высшего звена. Схожая картина наблюдается и со стажем. В плане социально-профессиональной группы активистов существует тенденция уменьшения доли «незанятых» от рядовых к руководителям высшего звена (от 55,5% к 20%), «рабочие» исчезают совсем (от 18,4% до 0), и в то же время доля «специалистов с высшим образованием» значительно увеличивается (от 16,7% до 73,3%). Интересно отметить, что такие характеристики, как «пол» и «социальное происхождение» (уровень образования и профессия родителей), не оказывают значимого дифференцирующего влияния. Точнее, селекция на основании «пола» происходит «на входе» в организацию — политика была и остается «мужским делом».

Общая рамка селекции может быть обрисована следующим образом: большинство активистов приходят в организацию где-то в возрасте 20–22 лет и проходят все ступени внутренней иерархии годам к 30–35. При этом большинство ставших активистами в двадцатилетнем возрасте уходят (доля руководителей высшего звена гораздо ниже доли рядовых в организации). Со временем в организации остаются (и продвигаются вверх во внутренней иерархии) преимущественно те, кто имел или получил высшее образование и попал в относительно высокую социально-профессиональную группу. Активисты, обладающие средним или средне-профессиональным образованием и занимающие низкие позиции в системе разделения труда (квалифицированные и неквалифицированные рабочие), испытывают двойное исключение: на входе в организацию (их меньшинство) и в процессе вну-

45. Анкетирование активистов московских организаций (АКМ, АКМТР, СКМ и «Социалистическое сопротивление») происходило в период с 2003 по 2005 год, и репрезентативность его результатов ограничивается как местом, так и временем сбора данных. Чаще всего опрос проходил во время или после еженедельных собраний, поэтому в фокус попали, прежде всего, наиболее активные участники (меньшинство в любой организации), на которых лежит бремя поддержания организации «на плаву».

треннего отбора, в результате которого они оказываются в стороне от процесса принятия решений⁴⁶.

Теперь попробуем установить соответствия между примерным делением организаций на два полюса и спецификой социальных характеристик их активистов. Для удобства основные характеристики были сведены в таблицу:

Таблица 1. Социальные характеристики активистов по организациям.

	Организация			
	АКМ	СКМ	АКМТР	СоцСопр
доля людей со стажем год и больше (в%)	43,4	71,4	100	85,1
средний возраст	19,5	22,8	23	24,6
стандартное отклонение по возрасту	3,376	4,792	5,897	7,268
соотношение полов (мужчины/женщины, в%)	80/20	92,6/7,4	60/40	75/25
доля людей с высшим или незак. высшим образованием (в%)	53,3	66,6	73,3	93,8
доля студентов (в%)	55,2	44	46,7	38,5
доля рабочих (квал. и неквалиф., в%)	20,6	20	13,3	0
доля специалистов с в /о (в%)	10,3	24	33,3	61,5
проживание в своей либо снимаемой квартире (в%)	20	20	13,3	37,5

Как и следовало ожидать, в организациях, близких к полюсу «широкой мобилизации», доля активистов с небольшим стажем почти в два раза выше, что говорит о более высокой динамике прироста численности. Состав этих организаций более молодой и однородный в плане возраста и пола. Однако наиболее интересны данные о распределении уровня образования — как видно из таблицы, доля людей с высшим или незаконченным высшим образованием тем выше, чем ближе располагается организация (АКМТР и «Социалистическое сопротивление») к полюсу «узкой мобилизации». Кроме того, организации становятся более однородными в образовательном уровне: в АКМТР и «Социалистическом сопротивлении», например, практически полностью отсутствуют активисты со средне-специальным образованием. Помимо этого, можно наблюдать тенденцию уменьшения числа «студентов» и почти полного (в случае СоцСопр) исчез-

46. Иначе говоря, достаточно оставить свободно действовать механизмы конкуренции для того, чтобы социально господствующие агенты заняли доминирующие политические позиции и тем самым усилили свое доминирование.

новения «рабочих» с соответствующим увеличением «специалистов с высшим образованием».

Как в случае внутреннего отбора, так и распределения активистов между организациями, действует одна и та же социальная закономерность, которая связана с самой природой политики, фундаментальной характеристикой которой является особое отношение к миру слов. Политика — это прежде всего и почти всегда слова: это мир, где существуют такие «вещи», как «средний класс», «терроризм», «общественное мнение» и т. д. Соответственно, активист (в отличие от поддерживающего организацию «молчаливого большинства») должен обладать способностью ориентирования в этом сложном мире слов и воспроизведения собственной идеологической позиции («политической компетенцией»). И чем выше в иерархии организации

он находится, тем больше эта необходимость. Можно предположить, исходя из наших данных, что политическая компетенция и образование (с соответствующим профессиональным положением) активиста взаимосвязаны. Однако нашу систему образования вообще и Университет в частности трудно заподозрить в прямом политическом воспитании — по крайней мере, таком, которое необходимо для адекватной ориентации в рамках актуальной политической сцены. Скорее, можно говорить о том, что Университет дает

**ПОЛИТИКА — ЭТО ПРЕЖДЕ
ВСЕГО И ПОЧТИ ВСЕГДА СЛОВА:
ЭТО МИР, ГДЕ СУЩЕСТВУЮТ
ТАКИЕ «ВЕЩИ», КАК «СРЕДНИЙ
КЛАСС», «ТЕРРОРИЗМ», «ОБЩЕ-
СТВЕННОЕ МНЕНИЕ» И Т. Д.**

некоторые навыки работы с информацией, с одной стороны, и определенную уверенность в собственных силах, с другой.

В качестве примера обратимся ещё раз к расколу в АКМ. По словам одного из участников, люди в организации делятся на два типа: «одни, которые занимаются идеологией, которые посещают эти университеты» и «большинство», которое «не освоило ещё азов. И поэтому, когда удастся их затащить на эти университеты, они посидят там пару занятий и говорят, типа, «я ничего не понимаю». Вот и, естественно, бросают это дело». Это люди, которые «в большинстве своем говорят, может, и мыслят, общими фразами, типа «мы за справедливость», «мы за социализм», а попытайся копнуть поглубже, они тебе ничего не скажут. И любой демократ их введет в заблуждение, элементарно»⁴⁷. В то же время эти группы (которые после раскола станут соответственно АКМ и АКМТР) не идентичны, с точки зрения состава: доля «рабочих» (как квалифицированных, так и неквалифицированных) падает от 20,6% в АКМ до 13,3% в АКМТР; доля «специалистов с высшим образова-

47. Интервью с активистом АКМ 13.11.03 // Архив автора.

ем» растет с 10,3% до 33,3%; доля активистов с высшим или незаконченным высшим — с 53,3% до 70,3%. *Иначе говоря, те, «кто не освоил ещё азов», кто «говорит и мыслит общими фразами» и кому так сложно высидеть на «красных университетах» — это как раз представители той группы, где больше рабочих, меньше специалистов, и чей уровень образования в целом ниже.* Характерно, что партийная жизнь идеологически ангажированного меньшинства из АКМТР организована во многом вокруг т. н. «Университета красного агитатора», то есть функционирование организации во многом повторяет формы функционирования университета (лекции, семинары) — и вполне естественно, что наиболее приспособленными к этой форме были выпускники и студенты вузов. Как позже напишет один из активистов, «именно те товарищи, которые посещали занятия нашего университета, ни на йоту не отступили от курса на строительство действительно революционной партии рабочего класса в России, не поддавшись псевдореволюционной демагогии мелкобуржуазной группировки, изгнанной из наших рядов»⁴⁸.

Таким образом, необходимым условием (и одновременно результатом) попытки переопределить основание классификации/иерархизации и установить как единственно легитимную, идеологически ангажированную форму политического участия выступает различный объем культурного капитала, которым обладает организация. Символическая дискриминация более многочисленных организаций полюса «широкой мобилизации» от имени идеологической ангажированности является стратегией, имеющей целью *конвертировать* культурный капитал организации в капитал политический — т. е. является властной стратегией, специфической формой «игры с правилами»⁴⁹.

* * *

Можно констатировать, что, как в случае с «цензом» на входе в организацию и продвижении во внутренней иерархии, так и в наиболее интеллектуально ангажированных секторах поля «неконвенциональной» политики (полюс узкой мобилизации), действует специфическая механика социальной селекции, которая, помимо и в обход всяких сознательных усилий, стремится исключить из сферы политики социальных агентов, занимающих относительно низкие позиции в социальном пространстве (то есть тех, чья пози-

48. Рудык Э. «Активизация борьбы» // Молния № 15 (317), 2004.

49. В то же время эта борьба за легитимную дефиницию «члена организации» (активный/сознательный), которая была бы наиболее близкой располагаемым активистами ресурсам (культурный капитал, манифестируемый идеологической компетенцией), не предполагает с необходимостью циничного расчета: собственная компетенция чаще всего воспринимается как «данность», в режиме «естественной установки». То, что со стороны можно расценить как сознательную стратегию, является лишь естественным распространением на любой опыт политического участия собственного частного опыта, без учета условий его возможности (т. е. формой социального «этноцентризма»).

ция определяется низким объемом различных капиталов и, прежде всего, капитала культурного в его институционализированной форме «уровня образования»⁵⁰. Действие этой закономерности связано с самим существованием политики, которая в ходе процессов социальной дифференциации обрела и обретает все большую автономию. Соответствующее этому процессу появление корпуса «профессиональных политиков» (живущих, по Веберу, «для и от политики») и специализированного языка сводит большинство агентов к роли наблюдателей, «профанов». То есть в обществе, в котором дифференцированный корпус профессионалов обладает объективной монополией производства политической продукции, любая политическая компетенция может быть только повторением их языка. И его присвоение, присвоение языка, позволяющего осмыслить происходящее адекватно самой политике, является тем более сложным, чем больше социальная дистанция между его производителями и потенциальными потребителями. Таким образом, представляя собой радикальную попытку выстроить *другую* политику, независимую от власти денег и государственного аппарата, в которой идеология не является только и исключительно необязательным атрибутом — рассмотренные нами леворадикальные объединения тем не менее остаются в рамках *политики* с присущими ей ограничениями.

50. Именно этот факт отражен в понятии «скрытого ценза», который, по мысли Д. Гакси (Gaxie D. *Le cens caché. Inégalités culturelles et ségrégation politique*, Paris, Seuil, 1978), достигает тех же результатов — хотя и в более смягченном виде, — что и ограниченное избирательное право, установленное в XVIII и XIX веках чтобы устранить из политики женщин и «опасные классы». То же понимание неравенства различных классов перед политикой лежит в основе критики «общественного мнения» у П. Бурдьё.